

★ СОВЕТСКОЕ ЧУДО ★

ДЖОН КЕЙНС

**ВПЕЧАТЛЕНИЯ
О СОВЕТСКОЙ
РОССИИ**

**ДОЛЖНО ЛИ
ГОСУДАРСТВО
УПРАВЛЯТЬ
ЭКОНОМИКОЙ**

Советское чудо. Взгляд с Запада

Джон Кейнс

**Впечатления о Советской
России. Должно ли государство
управлять экономикой**

«Алисторус»

2015

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)62

Кейнс Д. М.

Впечатления о Советской России. Должно ли государство управлять экономикой / Д. М. Кейнс — «Алисторус», 2015 — (Советское чудо. Взгляд с Запада)

Дж. Кейнс – известный английский экономист, основатель нового направления в политэкономии. Кейнс посетил Советский Союз трижды – в 1925, 1928 и 1936 годах. Во время первой поездки он даже принял участие в праздновании 200-летия Российской академии наук. В своей книге, критикуя большевизм за чрезмерную жесткость и следование марксистским догмам, он все же видит в нем силу, способную сконструировать новую систему, осуждающую личное обогащение и наполняющую общество новой религией – «новой верой». Кейнс подробно пишет обо всех достоинствах и недостатках советской экономической модели. Книга дополнена другими работами Кейнса, в которых он развивает свою теорию о государственном регулировании экономики. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)62

© Кейнс Д. М., 2015
© Алисторус, 2015

Содержание

Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Джон Кейнс
Впечатления о Советской России. Должно
ли государство управлять экономикой

© Кейнс Дж. (Keynes J.), правообладатели, 2015

© Перевод с английского. Э. Лаврик, 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Предисловие

В блестящей плеяде ученых-экономистов, создавших и обогативших экономическую теорию, Дж. Кейнс занимает особое место наряду с другими ее наиболее выдающимися классиками – Адамом Смитом и Карлом Марксом. Если основатель этой науки А. Смит объяснил рыночную конкуренцию с точки зрения трудовой стоимости, то К. Марксу принадлежит заслуга раскрытия анатомии капитализма путем анализа стоимости и прибавочной стоимости. Спустя без малого сто лет Дж. Кейнс совершил новую революцию в экономической теории – доказал возможность регулируемого развития капитализма.

К сожалению, в неоклассических учебниках об этом вкладе Кейнса в лучшем случае только упоминается – без раскрытия содержания самого регулирования. Основной же упор кейнсианской трактовки капитализма перенесен на показ рыночного определения спроса. Кейнсианство трактуется не как теория занятости, производства и совокупного спроса, как это делал сам Кейнс, а как управление спросом в духе монетаристской теории обмена, спроса и предложения.

Операция по переделке наследия Кейнса при активном участии Пола Самуэльсона и с его же легкой руки получила название «неоклассического синтеза». Удаление критической направленности кейнсианства и его трактовка в духе неоклассической ортодоксии были призваны примирить одно с другим и изолировать подлинных последователей Кейнса, представив их научной общественности и остальному миру как малозначимую секту непримиримых.

В третьем издании своего учебника П. Самуэльсон писал: «В последние годы 90 % американских экономистов уже не делятся на «кейнсианцев» и «антикейнсианцев». Вместо этого они стремятся соединить все ценное из старой экономической теории и новых теорий определения дохода. Результат этого синтеза, который можно назвать неоклассической теорией, принимается в общих чертах всеми, за исключением примерно пяти процентов крайне левых и столько же крайне правых».

Авторы другого учебника «Экономикс», Баумоль и Блиндер, пошли еще дальше. Они пишут: «Отличия между кейнсианцами и монетаристами сильно преувеличены в средствах массовой информации. Если же взять основы этих экономических теорий, – утверждают они, – то едва ли есть разница между ними» (Baumol and Blinder, 1982, p. 264). Если это так и кейнсианство и монетаризм тождественны, то зачем иметь разные названия одного и того же?

Между тем это не одно и то же, и по крайней мере Самуэльсон это признает. Под «новыми теориями определения доходов» он имел в виду то, что было взято у Кейнса для переделки в духе новых потребностей свободной экспансии капитала. При этом ортодоксия также внесла в свою прежнюю теорию ряд кейнсианских поправок, в частности признала необходимость определенных функций государства в области денежной и бюджетной политики. О. Бланшар по этому поводу пишет: «В отличие от прежней неоклассической теории новый синтез не предполагал полной занятости в условиях *laissez-faire*, однако считалось, что при правильной денежной и бюджетной политике старые классические истины вновь станут актуальными».

Многие современные последователи Кейнса не были согласны с таким искажением его теории и называют это «ублюдочным кейнсианством» (*bastard Keynesian*). Так посткейнсианцы называют такое кейнсианство, из которого удалено присущее Кейнсу критическое отношение к капитализму *laissez-faire* и к господствовавшей тогда и поныне в западном мире неоклассической ортодоксии в виде ее крайне правого крыла – монетаризма, связанного с именами Мизеса, Хайека и Фридмена.

При этом без должного внимания остался тот факт, что в течение четверти века после Второй мировой войны кейнсианские рецепты, даже в ограниченном варианте неоклассического синтеза, оправдали себя тем, что обеспечили западным странам и Японии высокие темпы

экономического роста при отсутствии или минимуме безработицы. Однако со временем даже такое кейнсианство утратило ценность для жаждущей свободы экспансии и произвола капитала. Кейнсианские рецепты годились для развития национальной экономики, но не для осуществления такой активной внешней экспансии, которая в эпоху глобализации, как будет показано далее, стала сулить транснациональным корпорациям наибольшие выгоды. В новой ситуации капитал требовал освобождения от кейнсианской узды регулирования и выхода на такой простор, где бы мог творить все, что ему угодно.

Иначе говоря, «рейганомика» и «тэтчеризм» требовались капиталу задолго до того, как глашатаи политики неограниченной свободы сами появились у руля США и Великобритании. Теоретическую почву принятия этой политики готовили путем отказа от кейнсианских положений даже в том «ублюдочном» виде, в каком их толковал неоклассический синтез.

Здесь-то стала ясна несостоятельность приведенного выше процентного подхода Самуэльсона к определению ценности научного направления. Значение имеет не процент сторонников или противников той или иной концепции, а его соответствие или несоответствие реальности современной экономики. С этой точки зрения первоначальное кейнсианство, не подвергнутое переделке и противостоящее неоклассическому синтезу, а тем более монетаризму, представляется нам более адекватным отражением современной реальности, в особенности того, что происходит в постсоветских государствах, где сложилась модель капитализма, глубоко отличная от западной.

* * *

Кейнс не оставил каких-либо определенных признаний относительно эволюции своих взглядов и того, каким путем он пришел к своим конечным выводам. Однако чтение его произведений с учетом условий и этапов его жизненного пути проливает свет на все это. С молодых лет Кейнс принадлежал к образовавшейся в самом начале XX века так называемой Блумбергской группе писателей, художников и ученых, занявших заметное место в интеллектуальной истории Англии. Плоть от плоти они были представителями английской аристократии, и по статусу им было положено быть выразителями ее интересов. Однако по своему интеллекту они возвышались над ней и видели много больше представителей своей среды, а потому в критическом осмыслении окружающей действительности они усматривали основной смысл своей творческой деятельности. Они осуждали ханжество и лицемерие викторианского времени и пытались оценить нынешнее и будущее положение своей страны перед лицом реалий наступившего времени.

Этот критический дух был присущ также Кейнсу, и он сохранил его до конца своей жизни, за исключением одного сравнительно короткого периода. В отличие от других своих соclubников, Кейнс не осудил разразившуюся в свое время Первую мировую войну как империалистическую с обеих сторон, а наоборот, пошел служить в палату казначейства (министерства финансов) и возглавил отдел финансирования военных расходов. Но нет худа без добра. Пребывание на таком ключевом посту позволило Кейнсу лучше понять подноготную ведения войны, и в итоге он встал на позиции решительного осуждения насильственных способов решения проблем как несправедливых и недальновидных.

Это ясно проявилось во время Парижской мирной конференции 1919 года по итогам Первой мировой войны, когда Кейнс в роли эксперта входил в состав английской делегации. В знак несогласия с проектом послевоенного устройства, в котором победители навязывали побежденным мир с миной, чреватой новым вселенским взрывом, Кейнс покинул конференцию и свою позицию изложил во вскоре вышедшей книге «Экономические последствия Версальского договора».

Эту книгу, принесшую ее автору широкую международную известность, надо рассматривать как показатель особой проницательности Кейнса, способности видеть то, что не видят другие. В то время главы держав-победителей – Англии, Франции, Италии и США – решили воспользоваться своим положением, чтобы исключить революционную Россию из решения европейских дел, а с побежденной Германией содрать как можно больше репараций. Кейнс отчетливо указал на близорукость такой дискриминационной и алчной политики. Если мы, писал он, «сознательно будем стремиться к истощению Центральной Европы, то я предсказываю, что отмщение не заставит себя долго ждать». Вскоре так и случилось. Несправедливости Версальского мира, породившие недовольство немецкого населения, вскормили гитлеровский нацизм, принесший миру неисчислимые страдания.

В указанной книге Кейнс показал, что истоками его особого видения стали события его времени. Разразившаяся на его глазах Первая мировая война, последовавшая за ней и потрясшая всю Европу русская революция и неспособность стран-победителей понять подлинные причины, породившие войны и революции, а затем их возможные последствия повергли Кейнса в глубокое смятение. Последовавшая за ними в конце 20-х годов Великая депрессия еще больше усилила его потрясение. При рассмотрении великих произведений эпохи, в особенности в области экономической теории, фактор личной драмы автора обычно не принимается во внимание и все сводится к его таланту. Но ведь авторы тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо, в том числе беспокойство за судьбу системы, в которой живут. Кейнс жил в эпоху потрясавших мир событий, смысл которых захватил его целиком. Его кипучая деятельность и невероятные интеллектуальные усилия, вершиной которых стала Общая теория занятости, процента и денег, является еще одним свидетельством того, что великие идеи не возникают на пустом месте. Они оказываются под силу тому, кто воспринимает драму эпохи как личную драму. Хотя и по-разному: Маркс с намерением низвергнуть капитализм, а Кейнс – улучшить его, но оба с большей остротой и глубиной, чем другие, принимали к сердцу несправедливости общества, в котором они жили. Это особое восприятие реальности придавало им ту остроту зрения, благодаря которой они были способны видеть то, что не было видно другим.

Особая, никому другому не свойственная в западном истеблишменте способность проникновения в глубокие тайны механизма капиталистической экономики позволила Кейнсу понять и раскрыть скрытые причины ее функционирования и пробуксовки в XX веке. Раскрытием этого механизма и указанием на способы преодоления этой буксовки Кейнс внес выдающийся вклад в экономическую науку, который по праву признан революцией в экономической теории.

* * *

Особое значение при формировании взглядов Кейнса на современный ему капитализм сыграла послереволюционная ситуация в России, чему в западной литературе обычно не придается должного значения. Между тем потрясший весь мир гром с ясного неба, каким явилась русская революция 1917 года, предложившая реальную альтернативу капитализму, не мог не привлечь самого пристального внимания такого проницательного мыслителя, каким был Кейнс.

Конфронтация между капитализмом и социализмом составляла основное содержание XX века, в которой были и горячие войны, а после появления ядерного оружия она велась в форме холодной войны и противостояния двух военно-политических блоков. Кейнсу довелось увидеть первую половину противостояния капитализма и социализма, но этого было достаточно для беспокойства о судьбе тех ценностей, которых он придерживался. Из мыслителей своего ранга Кейнс был единственным, кто три раза (1925, 1928, 1936) посетил Советский Союз и на месте ознакомился с практикой планового ведения хозяйства. В результате трехкрат-

ного посещения СССР Кейнс также изучил плоды русской революции и в целом пришел к отрицательному ответу на этот вопрос.

Однако еще до этих поездок в СССР и прямого соприкосновения с реальной ситуацией его отношение к России отличалось от окружающих его политиков и теоретиков никому из них не свойственной дальновидностью. В упомянутой работе о Версальском мире вместо выдвинутой западными державами политики экономической блокады России Кейнс предложил: а) взаимное погашение долгов воевавших стран друг другу, в том числе России; б) возложить на Германию обязанность по поставке России технических средств в обмен на продовольствие. Повышение производства сельскохозяйственных продуктов в России, полагал Кейнс, поможет не только ей самой, но и предотвратит голод, надвигавшийся на Европу. «Наш собственный интерес требует, – писал он, – чтобы скорее наступил день, когда германские агенты и организаторы смогут в каждой русской деревне привести в движение стимулы к экономической деятельности. Этот процесс, – указывал он, – абсолютно не зависит от формы правления в России; однако мы можем с известной достоверностью предсказать, что независимо от того, явится ли форма коммунизма, воплощаемая советским правительством, на долгое время соответствующим темпераменту русского народа, такие факты, как оживление торговли, удобств жизни и обычных стимулов к экономической деятельности, едва ли будут благоприятствовать крайним выражениям тех доктрин насилия и тирании, которые представляют результат войны и отчаяния».

По истечении стольких лет и полученных уроков истории остается только удивляться дальновидной мудрости того, что предлагал Кейнс. Неприятие подобной политики, объявление России экономической блокады и постоянные требования признания внешних долгов прежнего режима, которые разоренное мировой и Гражданской войнами Советское государство не было в состоянии выплатить, лили воду на мельницу крайних сил в России. Они подтверждали их оценку состояния России как крепости, находящейся во враждебном окружении и не имеющей иной альтернативы выживания, кроме как закручивания гаек и создания тоталитарного режима как единственно способного противостоять враждебному давлению.

Западная слепота и расовая предубежденность в отношении русских немало способствовали провалу в правящей партии Советского Союза умеренной политики, наподобие той, которую проводит сегодня китайская компартия. Патологическая ненависть Запада к коммунизму не менее, чем наша собственная монархическая традиция, способствовала победе сталинской диктатуры в нашей стране.

С помощью вышесказанного мы хотели на близком нам материале показать высокий потенциал и дальновидность кейнсианского мышления. Однако судьба распорядилась таким образом, что и ряд других обстоятельств также привлекли его внимание к тому, что происходило у нас. Так, Ленин был первым из руководителей европейских стран, кто обратил внимание на упомянутую книгу Кейнса. Несмотря на предвзятую оценку автором русской революции, Ленин в ряде выступлений, в том числе с трибуны второго съезда конгресса Коминтерна, где присутствовали левые партии основных стран мира, воздал должное объективности данного там анализа корыстного характера решений держав-победительниц о послевоенном устройстве Европы. «Никто не описал так хорошо Версальского договора, – говорил Ленин с этой трибуны, – как это сделал в своей книжке Кейнс» (Ленин. ПСС, т. 42, с. 67).

Ленин положительно отнесся к предложению Кейнса о необходимости взаимодействия между Россией и Западной Европой по линии обмена сырья и изделий промышленного производства. «Для восстановления мирового хозяйства, – утверждал Ленин, – нужно использовать русское сырье. Без этого использования нельзя обойтись, это экономически верно. Это признает чистейший буржуа, изучающий экономику и смотрящий с чисто буржуазной точки зрения, это признает Кейнс, который написал книгу «Экономические последствия мира»» (Ленин. ПСС, т. 42, с. 69). Тогда еще мало кому известный 37-летний Кейнс, надо думать, по досто-

инству оценил внимание человека, имя которого тогда было у всех на устах в качестве ниспровергателя политической архитектуры Европы и остального мира. Позднее Ленин предложил советским издателям отбирать и публиковать на русском языке некоторые книги. «Как образец, – добавил Ленин, – может служить книга Кейнса «Экономические последствия мира»» (Ленин. ПСС, т. 51, с. 241).

Кейнс, вступив в переписку с Лениным, предлагал ему выступить на страницах редактируемой им газеты «Нация» с изложением своих взглядов. К сожалению, по причине наступившей болезни Ленин этого не смог сделать.

* * *

Дальше же было еще большее. С российской ситуацией в начале 20-х годов Кейнса особенно сблизил его женитьба на русской красавице, балерине из Мариинского театра Лидии Лопуховой. Она выступала в составе знаменитой Дягилевской труппы, революция застала труппу на гастролях в Западной Европе, а начавшаяся вскоре Гражданская война преградила ей путь возврата на родину.

По признанию критиков, Лопухова уступала таким звездам русского балета, как Павлова или Карсавина, но тем не менее ее уровень исполнения оценивался достаточно высоко. Однако в данном случае важнее другое. Она была так хороша собой и заманчиво привлекательна, что полностью покорила Кейнса. В то время ей было 30 лет и она была женой распорядителя Дягилевской труппы, некоего Барокки. Брак и без того не ладился, а появление около нее Кейнса вовсе положило ему конец. Кейнс тоже немедленно прекратил все свои амурные похождения и все больше сходил с ума по Лидии, или Лоппи, как ласково он стал ее называть. Но истинная любовь никогда не протекает ровно. Окружавшее Кейнса чопорное общество, включая его родных, восстало против его женитьбы на русской эмигрантке. Многие из друзей Кейнса, в особенности из женской части, всячески уговаривали Мейнарда этого не делать. Но Кейнс был неумолим, отказался от запланированной поездки в Индию и решил свой выбор не упускать из рук. Вскоре брак состоялся, и, войдя в круг Кейнса, Лидия сразу очаровала всех, за исключением тех, чьи надежды этим были разбиты. Ближайший друг и последователь Кейнса Рой Харрод вспоминал, как вскоре, оказавшись в компании всеми почитаемой жены А. Маршалла, та сказала: это лучшее, что мог и сделал Мейнард. Родные Кейнса души не чаяли в Лидии, а Джон в течение всей своей жизни чувствовал себя на вершине человеческого счастья.

Как пишет Роберт Скидельски, биограф Кейнса, «если Мейнард был более чем экономист, то Лидия была больше чем балерина. За пределами Блумсбери ее умственная одаренность получила единодушное признание, хотя она у нее скорее была интуитивной, нежели образовательной. Она оценила эстетизм умственного настроения Мейнарда, подтекст его чувств и мыслей и невероятным образом была способна поддерживать с ним диалог даже по вопросам, о которых ничего не знала. Мейнард был очарован своей Волшебной принцессой, а Лидия также все больше и больше влюблялась в своего Принца необыкновенной мысли и духа».

С воцарением Лидии в доме Кейнсов туда потянулись ее русские земляки. Они были людьми искусства, а потому о России говорили в аспекте скорее культурном, нежели политическом, но все равно российская тематика стала здесь достаточно обсуждаемой. В 1925 году в составе делегации Кембриджского университета Кейнс побывал в СССР на праздновании 200-летия Академии наук в Ленинграде и Москве. Здесь он познакомился с советской жизнью. Он встречался со многими учеными и политиками и выступал в Госплане с докладом об экономическом положении Великобритании. По итогам своей первой поездки в СССР Кейнс написал «Краткий взгляд на Россию» (A Short View of Russia), где отрицательно оценил революционный метод решения экономических и социальных проблем. Впоследствии еще два раза (1928 и 1936) Кейнс побывал в СССР и внимательно присматривался к тому, что здесь происходит.

В те годы Москва была Меккой не только для левой, но и для значительной части либеральной интеллигенции. Супруги Вебб, леди Астор, Бернард Шоу, Герберт Уэллс, Бертран Рассел и многие другие интеллектуальные звезды Англии приезжали сюда и имели множество встреч и бесед с различными представителями советского общества вплоть до Сталина. Изучая советское общество, они искали ответ на вопрос: не является ли советский социализм с его экономическим планированием, социальным и культурным прогрессом новой цивилизацией, к которой движется мир? В результате трехкратного посещения СССР, как отмечалось, Кейнс также изучал плоды русской революции и, как отмечалось, в целом дал ей отрицательную оценку.

Не было того, чтобы Кейнс отрицал позитивное значение таких сторон советской жизни, как практика планирования экономики, наличие социальных гарантий гражданам, подчиненность инвестиций задаче обеспечения полной занятости и т. д. Наоборот, они вызывали у него живой интерес. Тем не менее в целом у него складывалось негативное отношение к советскому методу решения проблем ввиду высокой стоимости достигаемого прогресса. Прежде всего, его шокировал уровень жизни населения. На этот счет у него были угнетающие впечатления вначале от рассказов жены, посетившей в 1932 году своих родственников в Ленинграде, а затем от собственной поездки к ним в 1936 году. Брат и сестра Лидии жили в большой нужде и тесноте в коммунальной квартире, несмотря на их высокое положение в Мариинском театре, который в глазах Кейнса был бесценным храмом русского искусства.

Под воздействием своих ранних впечатлений, рассказов своей жены и приходивших к ним русских гостей и наверняка полагаясь на свой поднятый Лениным авторитет в глазах советских властей, Кейнс в 1934 году решил послать в газету «За индустриализацию» статью с анализом второго пятилетнего плана (1932–1937). Показав определенное знание советской ситуации, он в то же время позволил себе указать на его слабость. «Совершенно верно, – писал Кейнс, – что росту промышленного производства сильно способствуют большие жертвы, приносимые для увеличения промышленного производства, без ясного отчета в том, выгоден ли он, строго говоря, нынешнему поколению рабочих».

Похоже, что это осторожное замечание о чрезмерно высокой стоимости индустриального прогресса не встретило понимания. Ленина уже не было в живых, а находившаяся у власти сталинская камарилья, несмотря на возросшую к тому времени широкую известность Кейнса, едва ли читала и знала, кто он такой. Однако непонимание характерно не только для одной, но и для другой стороны. Со стороны Кейнса мы также видим взгляд на революцию, равно как на все, что делалось после нее, как на что-то дурное, никак не обоснованное историческими и социально-экономическими причинами. Сказалось его высокомерие по отношению к народным низам и тому, что они делают. После первого посещения России в 1925 году он писал: «Мне, выросшему в свободном воздухе, незамутненному ужасами религии, свободному от каких бы то ни было страхов, слишком многое в красной России представляется отвратительным». Ничего удивительного. С высоты благополучия английского аристократа, не соприкасавшегося со страданиями народных низов, их тяжкая борьба за создание альтернативного капитализму общества в России казалась Кейнсу настоящим сумасшествием. Проницательный в одном, он был слеп в том, что выходило за пределы его привычных представлений. Поэтому советский эксперимент по созданию альтернативы капитализму казался ему лишенный смысла. Пока не попадешь в Россию, писал он о ее людях, нельзя понять, «насколько они безумны и что о своем эксперименте они заботятся больше, чем о том, чтобы делалось дело».

Нарочитое сведение неоднозначности опыта русской революции к некоему безумию говорит не только о большой удаленности Кейнса от понимания положения русских рабочих и крестьян, но и о глубокой противоречивости суждений Кейнса. От него можно не требовать понимания положения русских рабочих и крестьян, которым судьба не оставила иного выбора, кроме антикапиталистического пути развития, но можно требовать логики в его суждениях.

Если этот путь был усеян одними устрашающими примерами бессмысленных экспериментов, то как в среде Кейнса могла возникнуть упомянутая выше дискуссия на тему о том, не является ли советская система с плановым ведением хозяйства новой цивилизацией, идущей на смену западной? Кейнс отвечал на этот вопрос отрицательно, но многие другие – отнюдь не дураки – задумывались над этим вполне серьезно, его обсуждали. Почему? Кроме того, Кейнс сам неустанно настаивал на том, что нашей Меккой должен быть Вашингтон, а не Москва. Если бы Москва творила одни глупости, то она никак не могла бы обладать притягательной силой, чтобы возник такой вопрос.

Мы не знаем, изменилось ли понимание Кейнсом русской революции через 15 лет, когда он увидел, что «выросшие в свободном воздухе» правители европейских стран одни за другими сдавали свои народы на милость врагу, Англия со дня на день ожидала вторжения гитлеровских войск и красная Россия стала ее основной надеждой. Можно только предполагать, что переживший Вторую мировую войну проницательный Кейнс не мог не понять, что кроме героизма своего народа Советский Союз обладал другими немалыми достоинствами, чтобы устоять перед нашествием фашистских орд и стать спасителем европейской цивилизации от фашистской чумы.

* * *

Русская революция была воспринята Кейнсом как серьезное предупреждение. При всем своем негативном отношении к ней Кейнс с повышенным интересом отнесся к выдвинутым ею проблемам, и это не могло не обострить его внимание к более широкому кругу социальных проблем, нерешенность которых угрожала существованию капитализма.

Беспокойство о дальнейшей судьбе капитализма особенно усилилось во время Великой депрессии 1929–1933 годов. От возникшей тогда массовой безработицы при недоиспользовании производственных мощностей можно было ожидать тогда все что угодно. Идущая оттуда угроза была обобщена Кейнсом в Общей теории с такой глубиной и охватом широкого круга проблем, решение которых в совокупности получило название кейнсианской революции в экономической теории. Она произошла под влиянием двух шоков XX века: советской альтернативы капитализму и Великой депрессии 1929–1933 годов. В западной литературе, как уже отмечалось, о первой вообще никогда ничего не говорится, а влияние второй в неоклассической ортодоксии сводится к уточнениям теории совокупного спроса.

Если бы дело сводилось к таким уточнениям, то едва ли были бы основания говорить о революции в экономической теории. Между тем, по широкому признанию значительного числа ученых-экономистов высокого класса, такие основания имеются. Общая теория предопределила принципиально иной подход и оценку ситуации в капиталистической экономике по сравнению с тем, что было в западной экономической мысли до этого, да и сейчас.

Если задаться вопросом об исходной идее, лежащей в основе книги (и, соответственно, кейнсианской революции), от которой расходятся все ветви его суждений и рекомендаций, то она состоит в том, с чего Кейнс начинает свою заключительную главу. «Наиболее значительным пороком экономического общества, в котором мы живем, – сказано там, – является его неспособность обеспечить полную занятость, а также его произвольное и несправедливое распределение богатства и доходов». Никто из либеральных теоретиков – а Кейнс клялся, что он либерал, – так не писал ни раньше, ни позже. Они утверждают прямо противоположное: саморегулирующий механизм рынка настолько совершенен, что каждому воздает должное, одним – достойную работу и зарплату, а другим – достойное занятие и заслуженные прибыли, и тем обеспечивает высшую справедливость.

«Ничего подобного!» – говорит Кейнс и обосновывает свою позицию не только в Общей теории, но еще раньше в работе «Конец лессе фер» (The End of laissez faire). В Общей тео-

рии он писал: «Что касается меня, то я полагаю, что есть известные социальные и психологические оправдания значительного неравенства доходов и богатства, однако не для столь большого разрыва, какой имеет место в настоящее время». С тех пор как Кейнс написал эти слова, разрыв между бедными и богатыми в доходах достиг фантастической глубины, в особенности в результате политики рейганомии и тэтчеризма, когда финансовым спекуляциям был дан зеленый свет. То, что Кейнс осуждал как «продукт деятельности игорного дома», в наше время стало основной формой накопления финансовых ресурсов и усиления разрыва в богатстве и доходов, снижение которых Кейнс считал необходимым условием оздоровления капиталистического общества.

Что это действительно так, можно видеть по работе «Конец лессе фер», написанной им вскоре после первого знакомства с плановой экономикой СССР за несколько лет до Великой депрессии 1929–1933 годов. В ней он образно показал, какую опасность несет капитализму усиление имущественного неравенства и обострение на этой почве социальной напряженности. Имея в виду теорию *laissez faire*, Кейнс обрисовал образную картину безжалостной борьбы за существование, которая оправдывается неоклассической теорией распределения и использования ресурсов. Согласно этой теории, пишет Кейнс, «идеальное распределение производственных ресурсов, которые движутся в ложном направлении, может быть осуществлено через независимую деятельность. Это подразумевает, что не должно быть жалости или защиты для тех, кто направил свой капитал или свой труд по ложному пути. Это метод выдвижения наверх удачливых охотников за прибылью в ходе безжалостной борьбы за выживание, которая отбирает самых эффективных за счет банкротства менее эффективных. Он не принимает во внимание цену борьбы, а видит только выгоды конечного результата, которые предполагаются всегда постоянными. Если целью жизни является обрезание листьев с веток на наибольшей высоте, самый подходящий путь достижения этого – предоставить самым длинношеим жирафам умиротворить голодом тех, чьи шеи короче».

Если рынок предоставлен сам себе и произволу «длинношеих жирафов», то процветание одних достигается за счет гибели других. Развивая свое объяснение неизбежных последствий нерегулируемого рынка, Кейнс продолжает: «Таким образом, если только мы предоставим жирафов самим себе, то: 1) будет срезано максимальное количество листьев, потому что самые длинношеие жирафы оказываются ближайшими к деревьям, обрекая на вымирание от голода других; 2) каждый жираф набросится на те листья, которые оказываются самыми сочными среди тех, которые достижимы; 3) жирафы, вкусу которых данный лист отвечает больше всего, длиннее всех вытянут шеи, чтобы достать его. Таким путем будет проглочено большее количество более сочных листьев, а каждый отдельный лист достигнет того рта, который считает, что он заслуживает наибольшего усилия».

Таков капитализм по определению. Длинношеим жирафам должны доставаться наиболее сочные листья, а короткошеих можно топтать ногами. В таком виде его защищает и оправдывает неоклассическая ортодоксия. Кейнс в упомянутой работе, подготовившей его основную работу, какой явилась Общая теория, решительно выступил против социального дарвинизма ортодоксии.

* * *

Развивая кейнсианские идеи, посткейнсианские продолжатели этой традиции выступают против сохранения и узаконения подобного антагонизма. Они предлагают такие методы регулирования экономических и социальных отношений, чтобы если не преодолеть, то по крайней мере существенно смягчить социально-классовые антагонизмы путем достижения полной занятости населения и другими мерами регулирования. Для этого наряду с соблюдением правовых и этических норм – от чего мы в России и других постсоветских государствах еще очень

далеки – необходимо также социально ориентированное вмешательство в распределение национального дохода в интересах всех слоев населения и обеспечение каждому достойной жизни и средств существования и духовного развития.

Кейнс положил начало такому подходу своим анализом мировой ситуации накануне и в период Великой депрессии 1929–1933 годов, эпицентром которой были США и Англия. Правящие классы обеих стран были немало озабочены возможными последствиями происходящего. Для предотвращения худшего лейбористское правительство Макдональда в 1929 году создало Комитет по изучению кризисной ситуации и поискам выхода из него из числа наиболее компетентных бизнесменов, финансистов, экономистов, государственных и профсоюзных деятелей (Комитет Макмиллана). К тому времени Кейнс уже был известен как недовольный существующим положением ершистый радикал, а потому считался не вполне подходящей фигурой для поиска решения на основе традиционных идей. В наших условиях такой человек не мог бы попасть в столь высокий комитет. Но Англия – страна другой культуры, где общественность всегда требует, чтобы на чашу весов была положена и альтернативная точка зрения. Поэтому первоначально Кейнс был включен в состав комитета скорее для успокоения общественного мнения, чем с большой надеждой на успех.

Однако, получив столь высокую трибуну и заинтересованную в поиске решения аудиторию, Кейнс вскоре развернулся. Его биограф пишет: «Первоначально Кейнс задавал мало вопросов... но очень скоро он стал играть решающую роль в работе комитета». В течение 1930 и 1931 годов работы Комитета он сыпал на головы своих слушателей такой каскад идей и аргументов, что полностью захватил их внимание. В отличие от нашей практики никаких регламентов для выступлений не было, а потому Кейнс иногда держал свои речи по несколько часов в день, включая ответы на многочисленные вопросы. На одном из заседаний он говорил в течение 9 часов. Никому не было скучно слушать такого умного и сведущего оратора. Председатель комитета лорд Макмиллан позднее признавался, что, «слушая Кейнса, терял чувство времени».

В ходе работы комитета обнаружилось, что позиция Кейнса противоположна той, которую занимали Английский банк и Казначейство (Министерство финансов), которые тоже были представлены достаточно компетентными специалистами. Последние отстаивали традиционный подход решения проблем с помощью кредитно-денежного механизма и при своих нормальных рабочих отношениях с Кейнсом негативно относились ко всему тому, что им казалось посягательством с его стороны на рыночные свободы. Для Кейнса к тому времени рынок действительно перестал быть священной коровой, хотя он еще в ряде вопросов оперировал в ограниченных пределах изданной им в 1930 году книгой «Трактат о деньгах».

Первоначально дискуссия вертелась вокруг того, как банковский кредит и процентная ставка влияют на занятость и зарплату. Было ясно, что повышение учетной ставки удорожает кредит и снижает прибыль, а это в конечном счете приводит к сокращению производства и безработице. Как отрегулировать эти ставки, чтобы преодолеть кризис? В соответствии с тем, что писал Кейнс в упомянутой работе, он доказывал, что нормой инвестиции управляет процентная ставка. Отсюда необходимость снижения процентной ставки до возможного предела, чтобы заинтересовать предпринимателей в расширении производства, доказывал он. В таком случае, возражали его оппоненты, в погоне за более высокой ставкой капитал устремится за рубеж. В ответ на это Кейнс предлагал отказ от золотого стандарта и удешевление фунта стерлинга, что, по его мнению, ослабит утечку капиталов и будет способствовать выравниванию сбережений и инвестиций. Особую озабоченность Кейнс проявлял к созданию условий, чтобы сбережения превращались в инвестиции. Если этого не происходит, утверждал он, то это равносильно тому, что неиспользованная часть инвестиций «выливается на землю, и это оборачивается потерями делового мира».

Чем далее, тем более Кейнс втягивал Комитет в обсуждение детальных аспектов экономической науки и денежной политики. Но верные сложившимся стереотипам члены Комитета, в частности председатель английского банка М. Норманн (Norman) и представитель казначейства Р. Гопкинс (Hopkins), отстаивали традиционные постановки и решения. Позже Кейнс предложил Макдональду создать особый подкомитет из числа наиболее квалифицированных экономистов Англии. Так и было сделано. Была сформирована специальная экономическая комиссия под председательством Кейнса, но, опять по английской традиции, с включением в нее не только его сторонников, но и оппонентов. В таком качестве в комиссию вошли известные экономисты Х. Гендерсон (Henderson), занимавший ряд важных государственных постов, и Л. Роббинс (Robbins), тридцатидвухлетний профессор Лондонской школы экономики. Они придерживались традиционной (неоклассической) традиции и постоянно оппонировали Кейнсу, находившемуся в поиске иных способов решения проблем.

Одним из центральных и долго обсуждавшихся комиссией стал вопрос о том, как инвестиции (внутри страны и за границей) воздействуют на цены, заработную плату и безработицу. Как последователь австрийской школы, Роббинс отстаивал соблюдение принципов *laissez faire*, ничего страшного в кризисе не видел и считал, что со временем все само собой уладится. Кейнс, наоборот, опасался рокового развития событий, если не принимать действенные меры против безработицы. Он соглашался с оппонентами, что необоснованное повышение заработной платы способствует росту безработицы, но главное, говорил он, в том, что сокращение производства приводит к повышению доли заработной платы в стоимости продукции, а не старание рабочих урвать себе долю прибыли. Именно в ходе этих дискуссий Кейнс стал постепенно отходить от изложенной им в «Трактате о деньгах» позиций денежно-кредитного метода регулирования и все ближе подходить к признанию необходимости воздействия на производство путем государственного его стимулирования и увеличения инвестиций.

Тем временем за стенами Комитета Макмиллана мировой кризис принимал все более драматический характер. Производство все больше сокращалось в Англии, США и других странах, безработных и обездоленных становилось все больше, а забастовочные протесты принимали все более угрожающий характер. Предпринятые Кейнсом вначале в Испанию, а затем две продолжительные поездки в Соединенные Штаты с множеством встреч и бесед с деловыми людьми и коллегами-экономистами в разных городах немало способствовали прояснению вопросов, которые постоянно были предметом его повышенного внимания. Особенное впечатление на него произвело предложение ряда американских экономистов ввести практику общественных работ, способных вызвать цепную реакцию новых заказов и повышение спроса и оживить экономический оборот. С этим связано принятие Кейнсом предложенной его учеником Р. Канном идеи мультипликатора, занявшей свое место в Общей теории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.